

Г. Гейне

**Атта Троль. Сон в летнюю
ночь**

Поэзия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г27

Г27 **Гейне Г.**
Атта Троль. Сон в летнюю ночь: Поэзия / Г. Гейне – М.: Книга по Требованию, 2021. – 164 с.

ISBN 978-5-458-24424-4

Опубликованная в 1843 г., переработанная в 1846 г. (напечатана в январе 1847 г.) поэма Генриха Гейне (1797-1856) впервые была переведена на русский язык в 1860 г. Д.И. Писаревым; с тех пор появилось несколько переводов "Атта Троль" (в том числе не раз переиздававшийся перевод В. Левика). В настоящем издании помещены также варианты, ранее не переводившиеся.

ISBN 978-5-458-24424-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Генрих Гейне.

Портрет работы Ф. С. Дица. 1842 г.

Генрих Гейне

АТТА ТРОЛЬ

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Оставив шатер белоснежный свой,
Выходит князь мавров на смертный бой;
Так сумрачный месяц плывет порой,
Не прячась за облачной белой грядой.

Ф р е й л и г р а т. «Мавританский князь»

Предисловие

«Атта Троль» был написан поздней осенью 1841 года¹ и частично напечатан в «Мире изящного»,² который тогда сызнова принялся редактировать мой друг Генрих Лаубе. Содержанию и слогу поэмы надлежало соотнобразовываться с прирученностью этого журнала; сперва я сочинил главы, которые можно было печатать, но даже они многократно переправлялись. Я лелеял надежду завершить поэму и опубликовать ее целиком, но этим похвальным намерением дело ограничилось, и «Атта Троль», подобно всем великим немецким творениям, подобно Кёльнскому собору, божеству Шеллинга, прусской конституции³ и т. д., тоже не был завершен. В таком незавершенном виде, самую малость его прибрав и сладив, я и представляю его сегодня публике, повинуюсь необходимости, никак не внутренней.

«Атта Троль», как было сказано, написан поздней осенью 1841 года, в пору, когда еще бушевал великий мятеж,⁴ объединивший против меня недругов всех мастей. Вот это был мятеж! Я никогда не предполагал, что гнилые яблоки произрастают в Германии в таком множестве, в каком они летели тогда мне в голову! Наша родина — земля благословенная; конечно, ни лимоны, ни апельсины на ней не растут, да и лаврам⁵ трудно не захиреть на немецкой почве, но уж гнилых яблок у нас,

по счастью, всегда полным-полно, и все наши великие поэты могли бы об этом порассказать. При мятеже мне надлежало потерять и корону, и голову, но я убе-рег и то, и другое, а вздорные обвинения, которыми науськивали на меня простонародье, вскоре самым убогим образом выдохлись, так что мне не понадобилось даже снисходить до опровержений. Меня оправдало время, и многое в этом отношении сделали для меня также почтенные немецкие правительства, что я с благодарностью отмечаю. Распоряжения о немедленном задержании, вожделенно ожидающие возвращения поэта на каждой станции за немецкой границей, надлежащим образом подтверждаются каждый год, как раз в сочельник, когда на елках искрятся приветливые свеченьки. Столь ненадежные дороги почти отбили у меня охоту⁶ ехать в Германию, я праздную сочельник на чужбине и на чужбине, в изгнании, завершу свои дни. А безупречные борцы за правду и свет, винившие меня в недостатке стойкости и раболепстве, тем временем в полной безопасности передвигаются по родной земле как щедро оплачиваемые государственные служащие, или сановники различных корпораций, или завсегдатаи клуба, в котором они с истинным патриотизмом каждый вечер подкрепляются вином отца нашего Рейна и устрицами окруженной морями Шлезвиг-Голштинии.⁷

Я умышленно указываю, в какое именно время написан «Атта Троль». Тогда процветала так называемая политическая поэзия. Оппозиция, как подметил Руге,⁸ продала свою шкуру и подалась в поэзию. Музам было строго предписано не ветренничать и не бить баклуши, а служить родине, то ли став маркитантками свободы, то ли принявшись за стирку грязного белья христианско-германской нации. В отечествен-

ной дубраве бардов⁹ витал тот неопределенный и бесплодный пафос, тот никчемный и туманный энтузиазм, который, очертя голову, бросается в океан общих мест и всегда напоминает мне американского матроса, столь бурно поклонявшегося генералу Джексону,¹⁰ что однажды, взобравшись на мачту, он бросился в море с возгласом: «Я умираю за генерала Джексона!». И хоть у нас, немцев, не было еще флота,¹¹ не счесть у нас было вдохновенных матросов, умиравших за генерала Джексона в стихах и в прозе. Иметь талант было в ту пору весьма рискованно, это давало повод заподозрить в бесхарактерности. Ревнивая импотентность обнаружила наконец после тысячелетних поисков мощное оружие против беспешности гения; она изобрела противоположность таланта и характера.¹² Толпе было весьма лестно услышать, что хоть честные люди, как правило, конечно, довольно плохие музыканты,¹³ но хорошие музыканты обыкновенно не такие уж честные люди, хотя важнее всего на свете честность, а вовсе не музыка. Пустая голова по праву кичилась теперь переполненным сердцем, и козырем стали убеждения. Я помню одного тогдашнего писателя, особенно гордившегося тем, что он не умеет писать;¹⁴ за свой дубовый стиль он удостоился почетного серебряного кубка.

Клянусь вечными богами, в ту пору неотъемлемые права духа, и особенно поэзии, нуждались в защите. А так как их защита — важнейшее дело всей моей жизни, я не стал отступаться от него и в этой поэме, и тон ее, и сюжет — протест против плебисцитов, проводящихся нынешними трибунами. Да и впрямь уже первые появившиеся в печати куски «Атта Троля» вызвали раздражение у моих принципиальных героев, моих римлян, винивших меня не

в одной лишь литературной, но и в общественной реакционности и даже в надругательстве над священнейшими идеалами человечества. Что до эстетических достоинств моей поэмы, то я и тогда их не защищал, и теперь не защищаю; я писал ее для собственного удовольствия и потому в своенравно-фантастической манере той романтической школы, в которой я провел лучшие годы молодости, а напоследок избил учителя.¹⁵ В этом отношении моя поэма, быть может, и нехороша. Но ты лжешь, Брут, и ты лжешь, Кассий, и ты, Азиний, тоже лжешь,¹⁶ заявляя, что я выпучиваю идеи, которые составляют драгоценнейшее достояние человечества и за которые я сам так часто сражался и страдал. Нет, именно потому, что эти идеи неизменно предстают поэту в прекрасной чистоте и величии, неукротимый хохот охватывает его, когда он видит, как бестолково, грубо и пошло понимают их узколобые современники. И он высмеивает напыленную на них медвежью шкуру. Есть до того кривые зеркала, что сам Аполлон выглядит в них нелепо и вызывает смех. Но смеемся мы над карикатурой, а не над богом.

Еще два слова. Надо ли особо оговаривать, что пародия на стихи Фрейлиграта,¹⁷ порой шаловливо высовывающаяся из «Атта Троля» и образующая его комическую подоплеку, ни в какой мере не ставит себе целью опорочить этого поэта. Я высоко его ценю, особенно теперь, и считаю его одним из самых замечательных поэтов, появившихся в Германии современ Июльской революции. Первый сборник его стихов попался мне на глаза поздно, как раз тогда, когда писался «Атта Троль». Должно быть, тогдашнее мое душевное состояние причина тому, что «Мавританский князь» меня позабавил. Впрочем, это произве-

дение считается весьма удачным. Для читателей, его не знающих, — а такие могут сыскаться в Китае и в Японии, даже на Нигере и на Сенегале, — сообщу, что у мавританского вождя, в начале стихотворения выступающего из своего белого шатра подобно затемненной луне, есть того же цвета возлюбленная, на черный лик которой склоняются белые страусовые перья. Но воинственный вождь ее покидает, ввязывается в негритянское сражение, где гремит барабан, увешанный черепами, — и там, увы, находит свое черное Ватерлоо, а победители продают его белым. Эти тащат благородного африканца в Европу, и здесь мы находим его в труппе странствующего конного цирка; ему поручено бить во время представления в турецкий барабан. Угрюмый и важный, стоит он у входа в манеж и барабанит, размышляя тем временем о прежнем своем величии, размышляя о том, как некогда на дальнем, дальнем Нигере он был абсолютным самодержцем и охотился на львов и на тигров...

Слез не стыдись, не жалея сил,
Он бил в барабан и шкуру пробил.

Писано в Париже в декабре 1846 года.

Генрих Гейне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За утрюмыми горами,
Достающими до неба,
Убаюканное шумом
4 Одичавших водопадов

Безмятежно спит в долине
Котере. Кругом домишки
Белые, а на балконах
8 Дамы весело смеются.

И смеясь взирают сверху
Вниз, на рыночную площадь,
Где медведица с медведем
12 Под волынку в пляс пустились.

Это Атта Троль с супругой,
Черной Муммой, здесь танцуют,
И восторга не скрывая,
16 Упиваются басконки.

Атта Троль, что гранд испанский,
Церемонно-благороден,
Но жене его мохнатой
20 Не хватает чувства меры.

Не канкан ли это, право,
Начинает мне казаться, —
Так она виляет задом,
24 Что и Grand'-Chaumièге припомнишь.

Но почтеннейший вожатый,
На цепи ее держащий,
Обратил уже вниманье
28 На безнравственную пляску.

Он развязную плясунью
По спине кнутом протянет,
И стenanья черной Муммы
32 В скалах повторяет эхо.

Этот доблестный вожатый
Шесть мадонн приладил к шляпе,
Чтобы голову от пули
36 И от вшей они хранили.

Прикрывая плечи пестрой
Напрестольной пеленой,
Он под ней, как под плащом,
40 Прячет нож и пистолеты.

Смолоду он был монахом,
Стал разбойным атаманом,
Совместил свои занятия
44 У дон Карлоса на службе.

А когда удрал дон Карлос
Вместе с рыцарством преславным,
Паладины большей частью
48 Принялись трудиться честно.

(Стал писателем Наглянский),
Ну а наш заступник веры
Атта Троля взял и Мумму
52 И медвежьим стал вожатым.

У него они танцуют
На базарах для народа,
И на рынке в Котере
56 Пляшет Атта Троль в цепях.

Атта Троль, в былые годы —
Обитавший на высотах
Гордый властелин дубравы,
60 Нынче пляшет перед сбродом.

Нужно ради подлых денег
Танцевать тому, кто прежде,
Наводя повсюду ужас,
64 Ощущал свое величье.

И когда он вспомнит юность
И былую власть над лесом,
Скорбные, глухие звуки
68 Вырываются из сердца.

Мрачен он, как Фрейлигратов
Черный мавританский князь,
Тот был скверный барабанщик,
72 Этот столь же скверно пляшет,

Вызывая лишь насмешки
Вместо жалости. Жюльетта
Смотрит сверху и смеется
76 Над безрадостным скаканьем.